

уткая буря завывала за стенами старого, заброшенного дома. Оконные стекла дрожали, прогнившие бревна скрипели. Высокие деревья, плотно окружавшие дом с тайной библиотекой, стонали на ветру. Ветки то и дело стучали по обомшелым стенам.

В просторном читальном зале между полками метр высотой мелькали неутомонные круглые огоньки.

Ветер бушевал — того и гляди повалит деревья, открыв миру особняк, надежно спрятанный в глубине заросшего сада.

— Что будет, если окна не выдержат? — причитал Гурманц Книгтс. Он то и дело с тревогой поглядывал на стекла, за которыми бились ветви деревьев, словно дикие привидения, зашедшиеся в бешеном танце.

— Или крыша обрушится и ливень уничтожит все книги?! — в ужасе восклицала Алиса Книгтс.

— Коли в миску дождик льет, значит кровля вся течет, — подытожил Рифмовий Книгтс загробным голосом.

Гурманц Книгтс и Алиса Книгтс озадаченно посмотрели на Рифмовия своими большими глазами-пржекторами. Ничего не поделаешь — он всегда говорил стихами, такова была его природа.

И все же Алиса юркнула на одну из полок, спрятавшись за грудку атласов в кожаных переплетах. Теперь оттуда виднелись только ее горящие глаза.

Гурманц Книггс решительно прикрыл крышкой котел.

— Дождь! Вот еще! Только не в мой буквенный суп, — пробормотал он.

Аттила Книггс в подпоясанном жилете наклонился к Алисе. Согнуться ему пришлось очень сильно, ведь он был самым высоким, почти целый метр ростом.

— Что ты там делаешь? — спросил он с любопытством. При этом кончики его длинных усов задорно покачивались из стороны в сторону.

— Прячусь! — боязливо прошептала Алиса Книггс.

— От крыши?

— Да! То есть нет... Почему ты вечно задаешь такие глупые вопросы?

— И вовсе они не глупые! Я, по-твоему, кто? Аттила — король дураков? — возмущенно спросил он и положил ладонь на рукоять топора, который носил за поясом.

Алиса Книггс не горела желанием продолжать беседу. Аттила был невероятно обидчив, когда речь заходила о его образовании. Да и как ему было расширять кругозор? Его домом были страницы с описанием полей сражений и военных походов! Алиса, конечно, с радостью помогла бы ему восполнить пробелы, но не сейчас. Ведь дом вот-вот рухнет им на голову!

К ним просеменила Романетта Книггс, вся в развевающихся одеяниях. От волнения она громко икала.

— Ну-ну! Никаких споров! Ик. Простите. Мы должны обняться, дорогие мои, — пропела она. — Давайте же перед лицом большой беды — ик — откроем друг другу наши сердца!

— Назад! — отстранил ее Аттила Книггс. Но это не остановило Романетту. Она воздела к нему руки и захлопала ресницами, что, принимая во внимание ее круглые глаза, сделало ее похожей на сову, которая вдруг заприметила белку.

А что Аттила? Конечно, он был самым большим и самым сильным из всех Книггсов. Но и ему порой становилось не по себе от той чепухи, которую периодически несла Романетта. Он ловко вскочил на ближайшую полку и исчез в темноте, а Романетта Книггс в своих развевающихся одеяниях полезла за ним.

— Поцелуй на ночь даришь — все печали прогоняешь, — крикнул им вслед всегда готовый прийти на помощь Рифмовий и шмыгнул под ближайший стол, закрыв глаза.

— Мы что, в прятки играем? — с надеждой спросил Рифмовия Игротекус Книггс.

Сильный порыв ветра с грохотом обрушился на стены дома. Где-то высоко наверху раздался треск, с потолка посыпалась штукатурка.

— Ну вот и все, — пискнула Алиса Книггс из своего укрытия. — Крыша рушится!

— Мой прекрасный суп! — закричал Гурманц Книггс.

— На улице грохочет — пусть каждый похочет.

— Ш-Ш-Ш! ВСЕМ КНИГГСАМ, СМІРНО!

Книгтсы послушно умолкли. Все круглые глаза-проекторы устремились на Королеву Книгтс, которая степенно шагала по читальному залу. Королевское одеяние было ей великовато, рукава пестрели заплатами, а голову венчал внушительный напудренный парик. И все же в облике ее читались гордость, зрелость и мудрость, глаза, многое повидавшие за долгую жизнь главной смотрительницы книг, светились, а величественно заостренные кверху ушки выглядели элегантно.

За ней следовал Помощникус Книгтс, ее советник. Или «внешняя память ее величества», как он сам любил себя называть, хотя в присутствии Королевы никогда так не говорил. У Королевы Книгтс были на удивление острые локти, и она без колебаний пользовалась ими при необходимости.

Когда Королева остановилась в ярких лучах света от дюжины Книгтсовых глаз, на мгновение даже ветер задержал свое злобное дыхание. Ведь стоило Королеве шикнуть на всех, и никто из Книгтсов не отваживался издать ни звука.

Воцарилась полная тишина.

— Книгтсам нечего бояться — никто не пострадает, — провозгласила Королева твердым голосом. — Дом защитит нас и наши книги. Так было и так будет впредь. И сам дом, и сад, и деревья, и все создания, которые его населяют, сберегут нас от внешнего мира и сделают невидимыми. Как всегда.

— Хм, — хмыкнул Помощникус, стоявший рядом. — «Всегда» — понятие относительное.

— Ш-ш-ш! — Королева больно ткнула советника локтем.

Королева Книггс приняла очень уверенный вид. Дело было важное. Все Книггсы полагались на нее. Особенно молодежь, которая даже не догадывалась, чем для них обернется обнаружение дома и тайной библиотеки.

— Итак, — громко сказала она, — вспомните бурю двенадцать лет назад!

Растерянное молчание. Затем Помощникус Книггс осторожно заметил:

— Ваше величество, вы имели в виду, *почти* двенадцать лет назад.

— Да? — удивленно спросила Королева Книггс.

— Без сомнений. Почти двенадцать лет назад. А если быть точным, то одиннадцать лет, двести пятьдесят девять дней и тридцать пять минут назад.

— Ну хорошо. — Королева Книггс кашлянула, бросила предостерегающий взгляд на Помощникуса Книггса и продолжила торжественным голосом: — Вспомните бурю *без малого* двенадцать лет назад!

Все напряженно задумались.

— И что? — спросил наконец Аттила Книггс, у которого от усиленного вспоминания уже немного разболелась голова.

— А то, — взгляд Королевы Книггс вспыхнул, — что она закончилась.

— Пфф, — фыркнул Аттила, — сейчас нам от этого проку мало. Ну, так мне кажется.

Королева Книггс подбоченилась:

— Ах ты, усатая жаба, ты что, вздумал мне перечить?

— Да я только так.

— Только так? Сейчас я тебе покажу, что я думаю про твое «только так».

Ветер, воспользовавшись паузой, перевел дух и завыл с новой силой. Еще более сильный порыв сотряс дом и с грохотом захлопнул дверь где-то в глубине подвальных кладовых.

Утратив все самообладание, Книггсы мгновенно бросились врассыпную и попрятались на полках сверху, снизу, да где угодно.

— Иди к атласам, Рифмовий!

— Э, нет, я первый прибежал, давай к Чеширскому коту!

— Нет-нет, только не в суп!

— Послушайте, нам надо... ик!

Королева в мгновение ока оказалась за старым креслом с подголовником. Помощникус Книггс подполз к ней по-пластунски. С трудом переводя дыхание, Королева проговорила:

— Помощникус, я уже сомневаюсь, продержимся ли мы ближайшие столетия.

— Продержимся, ваше величество, что еще остается. Оракул больше не говорит с нами. Книжный магистр пропал без вести девять лет назад. И с тех пор мы не знаем, что происходит за этими стенами в мире людей. Мы можем лишь делать то, что положено. Даже если последние из оставшихся книг утратят свои слова, да-

же если неясно, выживет ли наш вид... — Он умолк, сам испугавшись серьезности положения.

— Ох уж эта болезнь выцветания... — с мукой в голосе пробормотала Королева Книггс.

Этот недуг, как червь, пожирал книги, медленно, но верно стирая слова и целые миры. Все написанное просто исчезало, и до сих пор даже древняя целительница Шрифтея Книггс не нашла противоядия. Рано или поздно эта чума перекинется и на Книггсов, и тогда... Королева содрогнулась. Она не могла даже представить мир без книг и без Книггсов. А что люди? Среди них никто не мог им помочь! Более того, люди — опасные создания, им нельзя доверять!

«Книггсы, книги и этот заброшенный дом, — думала Королева, — все они как одинокий корабль, что блуждает в вечном тумане по бескрайним морским просторам. Но они не должны погибнуть. Они должны спасти то, что можно спасти!»

Да вот только Оракул — ненадежное создание — отмалчивался, несмотря на все преследующие их опасности! И куда в этом хаосе запропастился Тезаурус Книггс? Последние десятилетия самый многоязычный из Книггсов еще пытался сподвигнуть сумасшедшего Оракула произнести что-то более или менее осмысленное, а не отдельные невнятные слоги. Но сейчас даже в неподдающихся дешифровке шарадах они могли бы найти поддержку!

Королева заметила тень Тезауруса на верхней галерее над читальным залом. Ссутулившийся, в рясе с капю-

шоном, он, по обычаю, что-то бормотал себе под нос, словно и не было никакого урагана, готового вот-вот сорвать крышу и швырнуть ее как можно дальше, словно диск для фрисби.

— А если попробовать посмотреть? — выкрикнул вдруг кто-то звонким голосом.

Все устремили свои глаза-прожекторы на самую младшую из Книгтсов — Бунтессу. Домом ей служили истории о протестах и приключениях. Она медленно выступила в центр зала. На ней был красный камзол с поясом, за поясом — кинжал, в волосах повязана кожаная лента, на ногах — высокие сапоги.

— На ЧТО? — спросила Королева Книгтс, выйдя из-за кресла и опираясь на руку Помощнику.

Она строго взирала на юную Книгтс. Хотя это давалось ей непросто, ведь Бунтесса была не только очень юной — всего-то двухсот лет от роду, — но еще и крошечной, чуть выше самой Королевы.

— Ну, на бурю... — ответила Бунтесса Книгтс.

— *Посмотреть* на бурю? — пискнул Гурманц Книгтс.

— На шторм глядеть? Оторопеть! — прокричал Рифмовий Книгтс.

— Итак, я вижу то, чего не видишь ты, а потому я бы лучше... — начал Игротекус.

— Ну хорошо. И каким образом? Может быть, пойдём *наружу*? — подколола Бунтессу Королева Книгтс.

— Ну... можем глянуть через щелочку в двери, — робко отозвалась Бунтесса Книгтс, а потом добавила уже смелее: — Я бы так хотела хоть один разок выглянуть на улицу. Всего раз! Ваше величество, я бы могла...

— Ш-ш! Ш-ш-ш!

Выглянуть! Наружу! Нет, это никуда не годится! Никто еще не выглядывал наружу. От этой «наружи» добра не жди!

Все Книгтсы разом возбужденно зашушукали:

— На улицу?!

— Подумать только!

— Ты бывал там хоть раз, снаружи?

— Возможно, я глуповат, но не дурак!

— Тоже мне удумали.

— Ничего хорошего.

— Ну да, так и есть!

— Храбрец обычно находит кровавый конец.

— Ик.

Королева Книгтс расправила плечи. Она авторитетно провозгласила:

— Еще НИКОГДА ни один Книгтс не был снаружи и НИКОГДА не появится там. Бунтесса, я запрещаю тебе говорить на эту тему. Даже думать об этом запрещаю!

Заостренные ушки Бунтессы Книгтс поникли, и она выскользнула из зала. Королева Книгтс очень редко делала своим подопечным резкие выговоры.

Она всегда обращалась с духами-хранителями с неизменной теплотой. Ну хорошо — со сдержанной теплотой. Каждый из Книгтсов нес свое бремя. А Королева должна была указывать им путь и заботиться о том, чтобы они добросовестно выполняли свою миссию: на протяжении многих тысячелетий они защищали самое большое сокровище человечества — книги.

Вот только в последнее время сама Королева порой чувствовала себя странно. Она порой забывала названия вещей, даты, события. Складывалось ощущение, будто в каком-то уголке ее сознания прохудился пол и все утекало из памяти, как песок в песочных часах. То же происходило и с буквами из-за болезни выцветания... Нет-нет, сейчас она не должна об этом думать!

Мудрый Тезаурус Книгтс следил со своей галереи, как Королева отчитывала Бунтессу, пока та понуро не забилась в дальний угол.

— Ох уже эта неразумная молодежь, — пробормотал он, вздыхая. Его глаза, прикрытые капюшоном рысы, едва светились, потому что вдаль ему смотреть уже не требовалось. Тезаурус вновь склонился над обтянутой зеленым бархатом доской, которая лежала перед ним на столе. Вокруг нее возвышались груды из сотен кубиков, вырезанных из редкой породы ораклинеума; каждая из шести граней такого кубика была испещрена буквами разных языков. Прежде, когда он бросал эти кубики старым неизменным способом, из них складывались целые слова. И важные фразы, которые содержали задания для Книгтсов и приоткрывали судьбу. Однако уже давно фразы перестали складываться. Оракул утратил свой голос.

И все это время Тезаурус искал его, перебирая в руках кубик за кубиком, ведь он знал все языки мира. И не только их — он знал все синонимы и антонимы, знал все забытые алфавиты и исчезнувшие диалекты. Однако попытки достучаться до Оракула оставались

тщетны. Неужели Оракул лишил его своего расположения? Такое даже невозможно себе представить...

Окна дрожали. Терпеливому Тезаурусу Книггсу буря не особо мешала. Бури приходили и уходили.

А вот буря, которая нагрянет, если ему не удастся вернуть Оракулу голос, уничтожит их всех. Поэтому Тезаурус Книггс занимался исключительно тем, что расшифровывал тайну священных букв. День за днем. Год за годом.

— Может быть, стоит еще раз попытаться со староиспанским шестнадцатого века, — бормотал он и бережно принимался сортировать кубики, выкладывая их в один ряд.

Оглушительный раскат грома заставил Тезауруса подпрыгнуть от страха. При этом он опрокинул стол. Кубики попадали на пол и раскатились в разные стороны. Старик выругался на древнеарамейском и, крича, поставил стол на место. Затем Тезаурус осмотрел пол своими большими глазами-прожекторами, чтобы не упустить ни один кубик. Со стоном он наклонился, чтобы аккуратно их собрать.

Постойте. А это что такое?!

— Вот же! — воскликнул он и указал дрожащим пальцем на кубик. — Вот он... Оракул! Заговорил!

Но никто его не слышал. Буря завывала, дом трещал, Книггсы плакали и стонали.

Дрожащими губами Тезаурус Книггс прочитал строки, которые сами собой сложились из кубиков, разбросанных на полу.

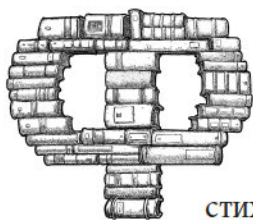
Он перечитал их. Неужели Оракул хочет сыграть с ним злую шутку? Королева! Он должен позвать Королеву!

— Ваше величество! Сюда! Оракул... Мы получили послание! Или что-то очень на него похожее.

Королева слегка приподняла подол юбки и решительно направилась к винтовой лестнице, ведущей на галерею.

Тем временем Бунтесса Книггс украдкой выскользнула из зала и пошла по направлению к входной двери.

Финн сидел на подоконнике в своей комнате и смотрел на бушующую за окном стихию. Его разбудил сильный раскат грома, протяжный и оглушительный, словно удар тяжелого чугунного колокола. Сердце бешено стучало, как молот; он прижался лбом к стеклу и с удивлением наблюдал за слетевшим с катушек миром. Буря неистовствовала, разрывая ночной мрак вспышками молний. Финн попытался открыть на планшете приложение «Внимание! Погода!», но гаджет не реагировал. Нет Сети? Такого еще не случалось.

Финн не слышал, как открылась дверь, но легкое движение воздуха выдало его сестру, которая прокрадлась к нему в комнату. Нола умела двигаться тихо и незаметно, словно кошка.

— С ума сойти! — прошептала его сестра-близнец, встав коленями на подоконник рядом с Финном. Нола была в пижаме; девочка точь-в-точь как брат уставилась на улицу, припав лбом к стеклу и плотно приставив ладони к лицу, чтобы не упустить ничего из происшедшего снаружи.

Кусты, растущие в ухоженном палисаднике под окнами, гнулись к земле под натиском стихии. В воздухе вихрем носились ветки и листья. Макушки обреза-

ных деревьев мотало из стороны в сторону. Небо было чернее черного — такого цвета близнецы еще ни разу в жизни не видели. Словно оно поглощало весь свет и становилось все больше и больше, все темнее и темнее. Отвечая глухими раскатами на трескучие вспышки молний, распарывавших эту бездонную, крошечную черноту, небо будто выказывало свое неудовольствие.

Когда же пойдет дождь? Или ливень?

Порыв ветра ударил в окно, стекло задрожало. В оглушительном шуме ревущего ветра и громовых раскатов они могли кричать сколько угодно, родители все равно бы их не услышали. Но этот бушующий мрак, там, в небе, внушал им благоговейное чувство. А может... настораживал.

— Такого урагана я еще ни разу не видел, — прошептал Финн.

— А чего мы шепчемся? — спросила Нола тоже шепотом.

— Чтобы ураган нас не заметил.

— Трусишка! — поддразнила Нола своего брата.

Финн посмотрел в светящиеся от радости глаза сестры, которая была так похожа на него, что казалось, он смотрится в зеркало.

— Я даже не знаю, как пишется «трусишка», — ухмыляясь, заявил он. — Просто, кажется... — Финн помедлил, вновь посмотрел на бездонную черную клокочущую воронку над ними, — кажется, таких гроз не бывает. Слишком уж гроыхает. Слишком все странно.

Очередная вспышка вспорола тьму. Вслед за ней совсем рядом раздался оглушительный раскат.

Они переглянулись.

Нола вздернула бровь:

— Неужели нельзя запретить такую погоду? Ведь есть же *правила*, — едва слышно сказала она, и в голове ее послышалась насмешка.

— Что за *поведение*? — с серьезным видом поддержал сестру Финн. — Плохо.

— Очень плохо.

Улыбаясь, они одновременно подняли правую руку и скрестили мизинцы. При помощи этого тайного знака они заключали уговор. Или, скорее, пари: кто чаще нарушит *правила*? Скрещенные мизинцы снова и снова напоминали им о сделке. Знали об этом тайном знаке только двое — их друзья Мира и Томми. Может, и они сейчас не спали и наблюдали за стихией? Мира уж точно. Она наверняка переживает, как бы птенцы не выпали из своих гнезд. А Томми? Он, скорее всего, уже приготовил попкорн и смотрит на ураган за окном, как смотрят фильмы на уроке географии, — с него станется.

— Кстати, отключили электричество, — прошептала Нола.

— Только у нас?

— Без понятия. Пойдем проверим. — Губы ее растянулись в заговорщицкой улыбке.

— Это уже совсем против правил.

— Согласна.

— Действовать придется очень тихо.

— Ага, будто мы призраки.

— Нет никаких призраков.

— Ну, тогда так тихо, будто нас тоже нет.

И снова мизинцы скрестились.

Нола поспешила в свою комнату, чтобы надеть поверх пижамы худи.

Не прошло и минуты, как близнецы встретились в коридоре. Финн прижал палец к губам. Нола кивнула. В полной темноте они ощупью спустились по лестнице, не забыв переступить через предпоследнюю ступеньку — та очень громко скрипела.

Нола тянула Финна к задней двери. «Умно», — подумал он. Ветер бушевал с другой стороны дома, и им ни за что не удалось бы открыть переднюю дверь. Предусмотрительная у него сестра: всегда подумает, прежде чем что-то сделать. Он же — ее полная противоположность. Финн сначала совершал поступок, а уж потом спрашивал себя, включал ли он вообще голову в процессе.

Когда они, плотно прижавшись к фасаду, добрались до угла и столкнулись с порывами ветра, буря чуть не сбила их с ног. Финн едва успел схватить сестру за локоть. Пригнувшись, обеими руками натягивая капюшон на лоб, они еле-еле добрались до дороги. Под защитой живой изгороди они присели на корточки, тяжело дыша. Ветер бешено трепал волосы. Может, потому, что они пытались от него укрыться? Или, может, потому, что отважились взглянуть ему в лицо?

— И что теперь? — спросила Нола, придвинувшись к Финну.

Финн оглядывал улицу. От знакомого вида не осталось и следа. Он вспомнил трудолюбивых мойщиков машин и добросовестные поливальные аппараты, без

которых невозможно было представить их ежедневный путь в школу. Теперь тут были только он и Нола. И деревья, которые гнулись и стонали. В воздухе носилось много незнакомых запахов и звуков, и все, что не было закреплено, покинуло свои исконные места: шезлонги и лейки, садовые фигурки животных и стулья для кемпинга, мусорные баки, забытые на веранде подушки теперь лежали где попало — в палисадниках, на дороге. Порывы ветра продолжали разносить вещи по округе.

Ни в одном окне не горел свет. Там жили люди, которых Финн знал, которых он встречал почти каждый день. Он был уверен, что всех их разбудил раскат грома, что все они ждали только одного — когда же эта напасть минует. Ждали, когда наступит новый, обычный день и они смогут мыть машины и поливать газоны.

Они ждали, что восстановится связь и приложение «Внимание! Погода!» подскажет им, что надевать, а еще объяснит произошедшее ночью.

Но он и Нола уже стояли на улице. И никаких объяснений им не требовалось. Все было ясно как божий день. Черное небо над ними вздыбливалось и корчилось в судорогах.

— Пойдем в парк, — сказал он прямо в ухо Ноле.

Нола с удивлением посмотрела на него:

— Зачем?

Финн уже немного трусил, хоть и никогда не признался бы в этом. И в то же время его непреодолимо тянуло в дикую ночь. Ему очень хотелось посмотреть на большие деревья. Пойти туда, где нет домов и людей,